

Сергей Ивкин

Ивкин Сергей Валерьевич родился 17.05.1979 в Екатеринбурге. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «преподаватель декоративно-прикладного искусства». Работает в сфере дизайна сувениров и народных промыслов. Иллюстрирует книги. С 1999 по 2009 г. вёл фестиваль авторской песни «Свезар» (Екатеринбург), участвовал в проектах «Игра в борхес», «Формуляр» и «Клуб одиноких мозгов Франсуа Дюпона». С декабря 2007 г. – координатор независимого клуба «ЛебядкинЪ» (литературный семинар Андрея Санникова). Публиковался в журналах и альманахах России и за рубежом. Лауреат фестивалей «Пилигрим» (Пермь, 2003), «Новый Транзит» (Кыштым, 2006), «Глубина» (Челябинск, 2007), «Илья-премия» (Москва, 2007) и «Ad Libitum» (Пермь, 2008). Автор поэтических книг и сборников «Пересечение собачьего парка» (Нижний Тагил, 2007), «Конец оценок» (Екатеринбург, 2008), «Воробьиные боги» (Челябинск, 2009), «Йод» (2012). Участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов С.И.

Традиции, направления, течения: реализм, модернизм, постакмеизм, обэриуты, постмодернизм, метареализм, постконцептуализм.

Основные имена влияния, переклички: А. Блок, О. Мандельштам, С. Парнок, Г. Иванов, И. Бродский.

Основные формальные приемы, используемые автором: исповедальность, поток сознания, диалог с мировой культурой, метафоризм, интертекстуальность, анжанбеман.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: время, хронотопы дома, двора, парка, город, Родина, религия и религиозная образность, быт, семья, память, культура, поэзия и поэт.

Творческая стратегия: автомифологизация, лирическое осмысление судьбы.

Коэффициент присутствия: 0,61

АВТОБИОГРАФИЯ

Отец мой – Валерий Васильевич Ивкин – перебирается из Кировской области на Урал, работает водителем «скорой помощи» и однажды сетует выезжавшему с ним врачу, что хотел бы встретить хорошую девушку в Свердловске и жениться. Врач – Вера Георгиевна Лазарева – говорит, что у сестры как раз две незамужние дочери-близняшки, показывает фотографию. Свататься отец идёт на следующий день. Разница по возрасту между старшей Ларисой и младшей Людмилой – 15 минут, но по традиции сначала сватают старшую. Лора с утра крутится перед зеркалом, а Люда при ней на побегушках. Валера же с венчиком перед дверью загадывает: кто откроет – на той и женюсь. Естественно, дверь открывает Людмила. С порога отец делает ей предложение. Мама отказывается. Через несколько дней обе сестры встречают Валеру на новоселье общих друзей. Высотный дом, восьмой этаж; приняв для храбрости, отец поднимает Людмилу, переносит на вытянутых руках за балкон и объявляет: «Откажешь ещё раз – отпущу». Мама соглашается. Свадьбу играют быстро, но я появляюсь не скоро.

Накануне моего рождения по стёклам лупит ливень, к пяти утра переходящий в мокрый снег. В дождевом грохоте принимающий акушер почему-то решает, что я мёртв: хилый, синий, молчит, не двигается. О чём он тут же сообщает матери, а мой «трупик» передаётся прислуживающему практиканту. Практикант в рамках своей курсовой пускает сквозь меня ток, и вот тогда я подаю голос. Дошкольное детство проходит в большом парке

Отец

с белочками и колесом обозрения. Лазать по деревьям я учусь раньше, чем сажусь на велосипед. Высота тянет меня к себе. Вскоре изучены все окрестные слуховые окна, кроме скатов страшного «жёлтого дома» за высоким забором с колючей проволокой. Но я изучаю движение психов по двору с крыши нашей пятиэтажки. Покидаю я этот зелёный рай, когда мама уезжает подарить мне братика. В ночь его рождения загулявший отец случайно поджигает квартиру, и меня достают из пламени с прижатой к груди коробкой карандашей. Мои многочисленные бабушки решают, что это знак и записывают меня в садик, где есть обучение рисованию. Хотя, возможно, я попал туда, потому что не выговаривал половину звуков русской речи, это был ещё и логопедический садик. День, когда я первый раз произнёс звук «RRRRR!», отец вспоминает как форменный кошмар. Заткнуть меня было нельзя до ночи, я пробовал новое звучание.

Среднюю школу помню плохо. Друг был только в первом классе, но его родители-военные во втором переехали в Кушку. Новый двор выглядит Сахарой после джунглей. Держусь особняком: изостудия, книги и комиксы, даже телевизор не смотрю. В восьмом классе к нам забредает папин собутыльник Валериан Казаков – рок-музыкант и синоптик (по Бутусову). Он видит развешанные по стенам рисунки и предлагает моей маме учить мальчика английскому в обмен на то, чтобы я делал эскизы для его проектов. Ничего путного у нас не выходит, но Валериан заражает меня вирусом стихосложения. До встречи с ним я испи-

сываю сюжетами а-ля Джордж Лукас толстые амбарные книги (интерес в них представляют исключительно автоиллюстрации). Теперь я решаю сочинять песни. Отец продаёт дедовский баян и покупает мне гитару. Мама понимает, что такой талантливый сын должен иметь перспективы, и устраивает мне собеседование в главной школе города – гимназии №9. К счастью, я перед комиссией не пел. Я вошёл на прослушивание, встал в позу юного Пушкина и стал декламировать стихи. Меня приняли. В архитектурный класс. Перед уходом из 67-й школы я разрисовал несколько стальных панелей для школьного музея и разбил сердце дочери завхоза.

В процессе расписывания музея выхожу на юнкоровскую студию, выпускающую на ризографе районную малотиражку «Седьмая пятница». Первое время рисую им обложки, номера с третьего печатаются мои иллюстрации к прозе, потом стихи. Здесь у меня появляются друзья и собутыльники – мастер единоборств Максим Беренов, полуслепой турист Михаил Черепанов, учитель жизни Андрей Слободчиков, отчаянный гусар Вениамин Богданов. Естественно, все они – поэты. Рядом не менее одарённые музы – детский писатель и певица Антонина Лямцева, кинолог Наталья Гончарова, ослепительно рыжая Галина Мальцева, роковые стервы Александра Богданова и Эльвира Валиуллина. Союзы и контрсоюзы меняются за несколько дней, постоянно возникают новые персонажи. Собрание редакции газеты больше напоминает светский раут или литературный салон. На спор я легко пишу венки сонетов. Каждая новая влюблённость на три дня взрывается ворохом бесконечных стансов. Пока под новый год Михаил из очередного турпохода не привозит с собой Елену Бараковских. В тот вечер я одет Фредди Меркьюри и отвратительно коверкаю «Шоу маст го он». Через три месяца я ухожу со встречи писателя Владислава Крапивина с молодыми журналистами с ней за руку, мы залезаем – в марте! – на недостроенную телебашню и в 213 метрах над городом я теряю невинность.

Параллельно я учусь в гимназии, проваливая только английский. Дружу в основном с гуманистарами и как «юнкор» пишу и рисую в школьную стенгазету под руководством преподавателя МХК Тамары Алексеевны Русских. Именно к ней в класс приходит поэт Евгений Касимов, чтобы набрать детские голоса для проекта «Студии Город» «Радионяня». Так со стороны Елены Бараковских я знакомлюсь со всем обойдённым в школе Серебряным веком, а со стороны Евгения Касимова – советским диссидентством.

Но по-настоящему поэзия за меня берётся только в Архитектурном институте, из которого я вылетаю через год. В очередной раз сбежав с занятий, я набредаю на маленький книжный магазин

С.И., 1985 г.

Елена Баракловских,
первая любовь, 1995 г.

на углу Малышева и Вайнера и покупаю журнал «Несовременные записки». Он раскрывается на имени Романа Тягунова. Всех других авторов этого журнала – Юлию Кокошко, Аркадия Бурштейна, Дмитрия Кондрашова, Андрея Санникова – я тоже читаю и люблю, но Романа немедленно выучиваю наизусть. У меня воспаляется сессия, ради академа я ложусь в отделение пограничных состояний, потом вовсе бросаю учёбу, езжу авто-стопом, участвую в ролевых играх, выступаю на квартирниках – собираю все возможные для своего возраста приключения. Из той компании сейчас продолжается дружба только с поэтом Инной Домрачевой. Как я поступаю в Российский государственный профессионально-педагогический университет, заканчиваю его по специальности «преподаватель ДПИ и народных технологий», продираюсь в аспирантуру, веду детскую поэтическую студию, – перебирать не буду. Эта событийная линия выстрелит позже.

В дни одурения Тягуновым (год 1996) я захожу в Музей молодёжи по Якова Свердлова, заметив у входа большое скопление людей с гитарами. Показываю сохранившийся пропуск корреспондента газеты «Седьмая пятница» (он не раз спасает меня пьяного ночью от милиции) и попадаю на фестиваль авторской песни о Екатеринбурге, проводимый под эгидой «Студии Город». В фойе меня узнаёт журналист студии Ирина Северова (у неё хранится тетрадь с моими первыми стихами)

и знакомит со своей подругой Еленой Бушуевой, которая как раз набирает народ для литературно-поэтической мастерской в клуб «Свезар». В «Свезаре» я работаю как преподаватель, конференсье, иллюстратор, декоратор, издатель и автор 13 лет. Мы выпускаем 8 сборников по итогам фестиваля, 3 тематических и 2 независимых сборки авторов, бесчисленное количество аудио- и видеодисков и один сборник переложений мировой классики для шестиструнной гитары. У меня, кстати, гитару в этом клубе из рук отбирают и просят никогда больше на ней не играть.

Моё время делится на несколько независимых жизней. В этой я участвую в организации музыкально-поэтического фестиваля «Свезар», который при официальном финансировании районного масштаба выходит на частных вложениях на межрегиональный уровень, став в последние годы существования отборочной площадкой для «Петербургского аккорда». Рабочий костяк составляют директор клуба Людмила Жабина, бард Елена Бушуева, бывший капитан челябинской команды КВН Алексей Ильиних и я. Фестиваль в 2009 году прикрывают, поэтический компонент Михаил Богуславский и Ирина Батанина переносят на «Лесную площадку» Ильменского фестиваля, а бардовский компонент становится, благодаря содействию Елены Бушуевой, городским фестивалем авторской песни «Август».

В другой жизни я раз в два месяца наезжаю на не-

сколько дней в Пермь, сначала участвуя в пермских фестивалях авторской песни, потом работаю с дуэтом классической музыки «А-Либитум» (электроорган – Рустам Паймурзин, виолончель – Мария Истомина, продюсер – Светлана Домрачева). Ребята делают на мои стихи часовую программу «Стать фениксом» и выпускают в продажу аудиодиск. Челябинский издательский дом Татьяны Лурье в 2005 году готовит как оформление к диску книгу моих стихов «Право дать тебе имя» с предисловием Михаила Богуславского, но в печать книга так и не подписывается. Когда дуэт распадается, Рустам и Светлана регистрируют продюсерский центр «А-Либитум» и проводят собственный музыкально-поэтический фестиваль в Перми, а также многочисленные поэтические чтения в дни городских гуляний. Из их студии выходят поэты Георгий Звездин, Ярослав Глушков, Вячеслав Хисамудинов и другие. После распада студии ребята берут на себя закулисную работу фестиваля «Rock-line», и мы с поэтом Янисом Грантсом выставляем под их командой перед концертами милицейские заграждения. В той же жизни мы с удмуртским поэтом Андреем Корамысловым и пермскими поэтами Денисом Голиковым и Андреем Цоем пытаемся выпустить огромную поэтическую книгу ин фолио на четверых «Джазззз». К моему нынешнему счастью, она также не выходит.

В третьей жизни я пишу статьи и рассказы для издательства «ИГНЬПС», выпускающего целый спектр экзистенциально-абсурдистской литературы. Держат проект архитектор Павел Ложкин, художник Олег Бухаров, журналист и холмсовед

С.И., 1998 г.

Александр Седов. Состав издательства регулярно меняется, но узкие журналы выходят, продаются в галереях и университетах, организуются выставки картин, долго работает студия обнажённой натуры, сейчас перешедшая в студию детского творчества, разрастается проект «Клуб одиноких мозгов Франсуа Дюпона», собирая в аккуратные красивые официально изданные томики запатентованное народное творчество: неологизмы, абсурдизмы, недосозревшие идеи и сущности.

В четвёртой жизни – вернёмся к аспирантуре. Моего научного руководителя Сергея Новосёлова (проект «Искусственные стихи», сочетание японской лирики и различных технологий) за излишний либерализм выставляют из РГППУ, и он переходит в Уральский педагогический университет. Я отказываюсь менять руководителя и ухожу с ним. Меня пристраивают лаборантом сразу на кафедру кибернетики и на кафедру эстетики, ещё я преподаю академический рисунок у студенток и композицию у школьников в центре допризвития. В университете готовится конкурс талантов. И тут мой друг Максим Беренов (газета «Седьмая пятница») просит, чтобы я стал крёстным отцом его сына. День крещения совпадает с днём конкурса. Абсолютно пьяный, я прихожу в университет и подаю заявку на поэтическую номинацию. Первое место получает Евгения Вотина. Я делю второе напополам с Полиной Семёновой. Чтобы заесть горе, я соблазняя студентку-первокурсницу, а потом с трудом припоминаю, кто она такая и чего от меня хочет. Через несколько месяцев она невероятным кульбитом становится женщиной Максима. Впрочем, из семьи Максим уходит не к ней. На этом моё влияние на крестника прекращается. Но в условиях этического абсурда ко мне приходят стихи, составляющие первую изданную книгу – «Пересечение собачьего парка». В эти же дни после собрания редакции «ИГНЬПСа» я провожаю философа Андрея Коряковцева на маршрутку, и возле Дома кино нас встречает поэт Андрей Санников. Атеист Коряковцев опасается начала религиозного диспута и просит любым способом уболтать Санникова. Разговор, начатый в тот вечер, продолжается до сих пор. Через пару дней я вхожу в курируемый Андреем Санниковым клуб «Капитан ЛебядкинЪ» и понимаю, что именно этих людей жду со дня прочтения стихов Романа Тягунова. 9 октября 2006 года в моём лексиконе появляется аббревиатура «УПШ».

Были ещё пятая – мистическая, шестая – личная – жизни. Вообще с 2006 года всё самое интересное только началось. Но дальнейшее происходит на виду. А мне необходимо проговорить события, про которые, кроме меня самого, никто не вспомнит.